

Максим Горький

Озорник

Максим Горький

Озорник

«Public Domain»

1897

Горький М.

Озорник / М. Горький — «Public Domain», 1897

«Это было дерзостью, и все невольно предположили, что виновник события найден. В зале произошло движение; издатель подошёл ближе к группе, редактор поднялся на цыпочки, желая взглянуть через головы наборщиков в лицо говорившему. Наборщики раздвинулись. Пред редактором стоял коренастый малый, в синей блузе, с рябым лицом и вьющимися кверху вихрами на левом виске. Он стоял, глубоко засунув руки в карманы штанов, и, равнодушно уставив на редактора серые, злые глаза, чуть-чуть улыбался из курчавой русой бороды. Все смотрели на него — издатель сурово нахмурил брови, редактор с изумлением и гневом, метранпаж — сдержанно улыбаясь. Лица наборщиков изображали и плохо скрытое удовольствие, и испуг, и любопытство...»

Максим Горький

Озорник

По большой, светлой комнате редакции «N-ской газеты» нервно бегал взволнованный, гневный редактор и, тиская в руках свежий номер, отрывисто кричал и ругался. Редактор был маленький, с острым худым лицом, украшенным бородкой и золотыми очками. Топая ножками в серых брюках, он кружился подле длинного стола среди комнаты, заваленного скомканными газетами, корректурными гранками и клочьями рукописей. У стола, облокотясь на него одной рукой, а другой потирая лоб, стоял издатель – высокий, полный блондин средних лет – и, с тонкой усмешкой на белом сытом лице, следил за редактором светлыми глазами. Метранпаж, угловатый человек с жёлтым лицом и впалой грудью, в коричневом сюртуке, очень грязном и не по росту длинном, робко жался к стене. Он поднимал брови кверху и тарасил глаза в потолок, как бы что-то вспоминая или обдумывая, а через минуту разочарованно потягивал носом и уныло опускал голову на грудь. В дверях торчала фигура редакционного рассыльного; то и дело отталкивая его, входили и снова исчезали какие-то люди с озабоченными и недовольными лицами. Голос редактора – злой, раздражённый и звонкий – иногда поднимался до взвизгиваний и заставлял издателя морщиться, а метранпажа – испуганно вздрагивать.

– Нет... это такая подлость! Я уголовное преследование возбужу против этого мерзавца... Корректор пришёл? Чёрт возьми, – я спрашиваю – пришёл корректор? Собрать сюда всех наборщиков! Сказали? Нет, вы только сообразите, что теперь будет! Все газеты подхватят... Ср-рам! На всю Россию... Я не спущу этому мерзавцу!

И, подняв руки с газетой к голове, редактор замер на месте, как бы желая обернуть газетой голову и тем защитить её от ожидаемого срама.

– Вы прежде найдите его, – сухо усмехаясь, посоветовал издатель.

– Н-найду-с! Н-найду! – сверкнул глазами редактор, снова пускаясь в бег, и, прижав газету к груди, начал ожесточённо теревить её. – Найду и упеку... Да что же этот корректор?... Ага... Вот... Ну-с, прошу пожаловать, милостивые государи! Гм!.. Смиранные командиры свинцовых армий... Проходите-с...

Один за другим в залу входили наборщики. Они уже знали, в чём дело, и каждый из них приготовился к роли обвиняемого; они единодушно изображали на своих чумазых лицах, пропитанных свинцовой пылью, полную неподвижность и какое-то деревянное спокойствие.

Редактор остановился перед ними, закинув руки с газетой за спину. Он был ниже их ростом, и ему пришлось поднять голову кверху, чтобы взглянуть им в лица. Он сделал это движение слишком быстро, и очки вдруг вскочили ему на лоб; думая, что они падают, он взмахнул в воздухе рукой, ловя их, но в этот момент они снова упали на переносье.

– Чёрт вас, – скрипнул он зубами.

На чумазых рожах наборщиков засияли счастливые улыбки. Кто-то подавленно засмеялся.

– Я вас призвал сюда не затем, чтобы вы зубы ваши показывали мне! – озлобленно крикнул редактор, бледнея. – Кажется, достаточно оскандалили газету... Если среди вас есть честный человек, который понимает – что такое газета, пресса... он скажет, кто это устроил... В передовой статье... – Редактор стал нервно развёртывать газету.

– Да в чём дело-то? – раздался голос, в котором не слышно было ничего, кроме простого любопытства.

– А! Вы не знаете? Ну вот извольте... вот... «Наше фабричное законодательство всегда служило для прессы предметом горячего обсуждения... то есть говорения глупой ерунды и чепухи!..» Вот! вы довольны? Не угодно ли будет тому, кто добавил эти «говорения»... – и

главное – говорения! как это грамотно и остроумно! – ну-с, кто же из вас автор этой «глупой ерунды и чепухи»?..

– Статья-то чья? Ваша? Ну, вы и автор всего, что в ней нагорожено, – раздался тот же спокойный голос, который и раньше спрашивал редактора.

Это было дерзостью, и все невольно предположили, что виновник события найден. В зале произошло движение; издатель подошёл ближе к группе, редактор поднялся на цыпочки, желая взглянуть через головы наборщиков в лицо говорившему. Наборщики раздвинулись. Пред редактором стоял коренастый малый, в синей блузе, с рябым лицом и вьющимися кверху вихрами на левом виске. Он стоял, глубоко засунув руки в карманы штанов, и, равнодушно уставив на редактора серые, злые глаза, чуть-чуть улыбался из курчавой русой бороды. Все смотрели на него – издатель сурово нахмурил брови, редактор с изумлением и гневом, метранпаж – сдержанно улыбаясь. Лица наборщиков изображали и плохо скрытое удовольствие, и испуг, и любопытство...

– Это... вы и есть? – спросил, наконец, редактор, указывая пальцем на рябого наборщика, и многообещающе сжал губы.

– Я... – ответил тот, усмехнувшись как-то особенно просто и обидно.

– А-а!.. весьма приятно! Так это вы? Зачем же вы вставили, позвольте узнать...

– Да я разве сказал, что вставил? – И наборщик посмотрел на своих товарищей.

– Это он, наверное, Митрий Павлович, – обратился к редактору метранпаж.

– Ну я, так я, – не без некоторого добродушия согласился наборщик, махнув рукой.

Опять все замолчали. Никто не ожидал такого скорого и спокойного признания. Гнев редактора сменился на минуту изумлением. Пространство вокруг рябого стало шире, метранпаж быстро отошёл к столу, наборщики расступились...

– Ты ведь это нарочно, с намерением? – спросил издатель, оглядывая рябого круглыми глазами.

– Извольте отвечать! – крикнул редактор, взмахивая смятой газетой.

– Не кричите... не боюсь! Многие на меня кричали, да без толку всё!.. – И в глазах наборщика сверкнул ухарский, наглый огонёк. – Точно... – продолжал он, переступив с ноги на ногу и обращаясь уже к издателю, – я это с намерением подставил слова...

– Слышите? – обратился редактор к публике.

– Да что же ты такое в самом деле, чёртова ты кукла! – взбесился вдруг издатель. – Понимаешь ли ты, сколько ты вреда мне сделал?

– Вам-то ничего... ещё, чай, розничную продажу увеличил. А вот господину редактору – действительно... не особенно по губе такая штучка.

Редактор точно окаменел от негодования; он стоял перед этим спокойным и злым человеком и молча сверкал глазами, не находя слов для выражения волновавших его чувств.

– А ведь тебе за это, брат, худо будет! – злорадно протянул издатель и вдруг, смягчившись, ударил себя рукой по колену.

В сущности, он был доволен и происшествием и дерзким ответом рабочего: редактор относился к нему всегда несколько высокомерно, не стараясь скрывать сознания своего умственного превосходства, и вот теперь он, этот самолюбивый и самоуверенный человек, повержен во прах и – кем?

– За эту твою дерзость мы тебе, душа, воздадим!.. – добавил он.

– Да уж, наверно, не спустите, – согласился наборщик.

Этот тон и эти слова опять произвели впечатление. Наборщики переглянулись друг с другом, метранпаж поднял брови и как-то съёжился, редактор отступил к столу и, опершись на него руками, более растерянный и обиженный, чем гневный, пристально смотрел на своего врага.

– Зовут тебя как? – спросил издатель, вынув из кармана записную книжку.

– Николка Гвоздев! – быстро объявил метранпаж.

– А ты, Иуда, молчи, когда тебя не спрашивают, – сурово взглянув на метранпажа, сказал наборщик. – У меня свой язык есть, я сам за себя отвечу... Зовут меня Николай Семёнович Гвоздев... Жительство...

– Найдём! – пообещал издатель. – А теперь убирайся к чёрту! Все идите!..

Громко топая, наборщики пошли вон. Гвоздев шёл сзади всех.

– Постой... позволь... – сказал редактор тихо, но ясно, и протянул руку вслед Гвоздеву.

Гвоздев обернулся к нему, ленивым движением прислонился к косяку двери и, покручивая бородку, уставился в лицо редактора дерзкими глазами.

– Я тебя вот о чём спрошу, – начал редактор. Он хотел быть спокойным, но это не удалось ему: голос его срывался, переходил в крик. – Ты сознался... что, делая этот скандал... имел в виду меня. Да? Значит, это что же? – мечь мне? Я тебя спрашиваю – за что? Ты понимаешь это? Можешь ты мне ответить?

Гвоздев передернул плечами, скривил губы и, опустив голову, помолчал с минуту.

Издатель нетерпеливо притоптывал ногой, метранпаж вытянул вперёд шею, а редактор кусал губы и нервно хрустел пальцами. Все ждали.

– Я, пожалуй, скажу... Только, как я необразованный человек, то, пожалуй, непонятно будет... Ну, уж извините тогда!.. Вот, стало быть, в чём дело. Вы пишете разные статьи, человеколюбие всем советуете и прочее такое... Не умею я сказать вам всё это подробно – грамоту плохо знаю... Вы, чай, сами знаете, про что речи ведёте каждый день... Ну, вот я и читаю эти ваши статьи. Вы про нашего брата рабочего толкуете... а я всё читаю... И противно мне читать, потому что всё это пустяки одни. Одни слова бесстыжие, Митрий Павлыч!.. потому что вы пишете – не грабь, а в типографии-то у вас что? Кирьяков на прошлой неделе работал три с половиной дня, выработал три восемь гривен и захворал. Жена приходит в контору за деньгами, а управляющий ей говорит, что не ей дать, а с неё нужно рубль двадцать получить – штрафу. Вот те и не грабь! Вы что же про эти порядки не пишете? И как управляющий лается и мальчишек дуёт за всякую малость?.. Вам этого нельзя писать, потому что вы и сами-то этой же политики держитесь... Пишете, что людям плохо жить на свете, – и потому вы, я вам скажу, всё это пишете, что ничего больше делать не умеете. Вот и всё... И потому под носом у себя вы никаких зверств не видите, а про турецкие зверства очень хорошо рассказываете. Разве это не пустяки – статьи-то ваши? Давно уж мне хотелось, стыда вашего ради, истинные слова в ваши статьи вклеить. И не так бы ещё надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.